

Логунова Ксения Александровна

ЯЗЫК ДИПЛОМАТИИ КАК ЯЗЫК ДЛЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ

Статья раскрывает содержание понятия "язык для специальных целей" и рассматривает язык дипломатии как одну из разновидностей Language for specific purposes (LSP). Автор акцентирует внимание на отличительных признаках и характеристиках языков для специальных целей, в частности, терминологии, разбирает особенности лексики, грамматики и стилистики дипломатических документов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/7-1/33.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 7 (49): в 2-х ч. Ч. I. С. 124-126. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/7-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 8; 81'276.6

Филологические науки

Статья раскрывает содержание понятия «язык для специальных целей» и рассматривает язык дипломатии как одну из разновидностей Language for specific purposes (LSP). Автор акцентирует внимание на отличительных признаках и характеристиках языков для специальных целей, в частности, терминологии, разбирает особенности лексики, грамматики и стилистики дипломатических документов.

Ключевые слова и фразы: язык дипломатии; язык для специальных целей; термин; терминология; документ.

Логунова Ксения Александровна

Московский педагогический государственный университет
dina2002@mail.ru

ЯЗЫК ДИПЛОМАТИИ КАК ЯЗЫК ДЛЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ[©]

Термин «язык для специальных целей» является дословным переводом с английского термина *Language for specific purposes* (LSP).

LSP рассматриваются как функциональные разновидности современных национальных языков. По таким своим лингвальным характеристикам как грамматика и синтаксис система LSP в целом обладает признаками общелитературного языка, однако характеризуется особым лексическим составом, а точнее, – его номинативной частью [1, с. 16]. LSP раскрывает особые структуры знания, служит их объективации и обеспечивает тем самым общение специалистов в конкретной предметной области. Релевантность отдельно взятого языка (LSP) обусловлена релевантностью соответствующей предметной области знания, и его специфика связана с уровнем развития этого знания для соответствующего социума [2, с. 5]. Кардинальным отличием языка для специальных целей от общенационального языка является присутствие в LSP особых лексических подсистем, в первую очередь – терминологической и в некоторой степени видоизмененной синтаксической системы. Однако специфичность лексики LSP не стоит преувеличивать. Из-за того, что языки для специальных целей постоянно взаимодействуют с общелитературным языком, граница между неспециальной и специальной лексикой является подвижной. В связи с этим существуют две тенденции: с одной стороны, специальные слова переходят в общий лексический состав языка, при этом потеряв некоторые свои свойства, с другой стороны, общеупотребительные слова могут терминологизироваться.

В реальности особые характеристики имеют или подсистемы специальной лексики искусственного происхождения (обозначения химических элементов, математические символы и тому подобное), или терминологическая система языков для специальных целей. LSP формируются на основе естественных языков, надстраиваются над ними, приобретая новые специфические признаки в лексике, словообразовании, синтаксисе, стилистике, которые позволяют им обслуживать социолингвистические потребности общения в специальных сферах [6, с. 358]. Е. Вюстер – основатель австрийской терминологической школы, – анализируя особенности LSP, отмечает, что «LSP по своей природе определённым образом регламентирован, стандартизирован, иерархизирован, в значительной степени обезличен, поэтому он получает операциональный характер» [15, р. 61-106].

Стоит отметить, что термины играют ведущую роль в языке для специальных целей. А. А. Реформатский определял термины как «слова, ограниченные своим особым назначением; слова, стремящиеся быть однозначными как точное выражение понятий и названия вещей» [9, с. 47]. А. И. Р. Гальперин определял термины как «слова, которыми обозначают вновь появляющиеся понятия, связанные с развитием науки, техники и искусства». Он также отмечал, что термины обычно лишены эмоционального значения, хотя и могут в некоторых случаях приобретать в тексте определенную эмоциональную окраску [5, с. 58]. А. Н. Баранов понимает под термином «слова и словосочетания метаязыка науки и приложений научных дисциплин, а также слова, обозначающие специфические реалии областей конкретной практической деятельности» [4, с. 89]. В. М. Лейчик понимает под термином лексическую единицу «определенного языка для специальных целей, обозначающую общее (абстрактное либо конкретное) понятие теории определенной области знаний или деятельности» [7, с. 31]. В. М. Лейчик выделяет такие группы терминов как основные (главные понятия определенной области знания и (или) деятельности), производные (видовые или аспектные понятия), сложные (сложные понятия, которые представляют собой арифметическую сумму, по крайней мере, двух основных или производных понятий определенной системы понятий), базовые (используемые в терминосистеме понятия базовых наук, которые образуют фундамент данной области знания), привлеченные (заимствуются из смежных областей знаний), общенаучные (общенаучные понятия, имеют одинаковую семантику во всех областях знания) и термины широкой семантики (используются во многих терминосистемах) [Там же, с. 6]. С. Д. Шелов отмечает, что терминологам пока не удалось представить универсальное определение понятия «термин», единодушно принятое всеми его исследователями. По мнению С. Д. Шелова, «...при этом речь идет не об отсутствии формулировки интуитивно всеми одинаково воспринимаемого понятия, но часто о различном содержании самого понятия» [12, с. 4].

При этом С. Д. Шелов подчеркивает, что утверждения об однозначности и точности терминов в значительной степени преувеличены: «имеется почти регулярная многозначность некоторых технических терминов:

верстка (первый корректурный оттиск) – верстка (процесс), смазка (вещество) – смазка (процесс) [8, с. 54], а также лингвистических терминов вида «раздел науки – совокупность всех единиц, операций и отношений данного уровня», например, фонетика, фонология, морфология, синтаксис [13, с. 71]. Кроме того, С. Д. Шелов исследует определения терминов, которые включают выражения, допускающие различные интерпретации, так называемые полиморфные определения и, соответственно, полиморфные термины. С. Д. Шелов делает вывод, что традиционное мнение о том, что термины – это слова со строго определенным, совершенно точным значением, излишне категорично.

Таким образом, несмотря на то, что традиционно термин считается лексической единицей с однозначным и точным значением, в некоторых случаях возникает двусмысленность: например, термины, обозначающие одновременно процесс и явление, науку и ее прикладное значение, либо если существуют различия в интерпретации в зависимости от контекста.

Правильное прочтение и понимание научной терминологии, создание которой регулируется международными правилами, обеспечивает в международной науке стабильность и универсальность научных названий. Знание научных международных терминов латинского, греческого происхождения, основанное на знании законов, способов и правил их образования, способствует пониманию документов сфер деятельности, использующих латинскую научную терминологию (медицина, химия, в данном случае – дипломатия), и существенно облегчает чтение специальной научной литературы.

В рамках нашей работы мы рассматриваем язык дипломатии как язык для специальных целей.

Дипломатия – это официальная деятельность правительства по осуществлению внешней политики государства. В языке дипломатии вырабатываются специфические терминология и фразеология. Например: *I beg to inform you* (довожу до вашего сведения); *on behalf of* (от имени); *provided that* (при условии, если), *the above mentioned* (вышеупомянутые), *to second the motion* (поддержать предложение); *to constitute a basis* (заложить основу); *adjournments* (отсрочки); *private advisory* (частные консультации) и другие (*Здесь и далее перевод автора – К. Л.*) [14].

Для языка деловых документов характерна традиционность средств выражения, которая ускоряет процесс образования фразеологических единиц, типичных для данного стиля. Традиционность средств выражения является основополагающей для другой черты английских официальных документов, а именно – наличия значительного количества архаических слов и выражений. В любом деловом документе можно встретить употребление таких слов как *hereby* (сим); *henceforth* (впредь); *aforsaid* (вышеупомянутый) и других [5, с. 432]. Можно также выделить употребление эвфемизмов, которые способствуют поддержанию вежливого тона на переговорах и соблюдению дипломатического этикета.

Одной из особенностей официально-делового стиля (и дипломатического подстиля, в частности) является употребление отлагольных имён существительных – распространение (*distribution*), разоружение (*disarmament*), запрещение (*prohibition*) и других, – а также событийных имён – война (*war*), мир (*peace*), безопасность (*security*) [14]. Стоит отметить, что в сочетании с местоимением «мы» (при составлении официальных документов принят так называемый «мы»-подход) для данного стиля характерно употребление глагола в настоящем или будущем времени. Можно также выделить еще одну черту дипломатического стиля – большое количество аббревиатур (UN – Организация Объединенных наций (ООН), NATO – Организация Североатлантического договора (НАТО), EU – Европейский Союз (ЕС)).

Достаточно распространено в дипломатических текстах употребление грамматической категории должностования (такое-то правительство должно, такому-то народу следует / не следует).

Синтаксис дипломатических документов характеризуется сложностью: в нём преобладают длинные предложения, осложнённые причастными оборотами; сложноподчинённые предложения с различными типами придаточных частей (преимущественно определительными и изъяснительными), предложения с длинным перечнем однородных членов, часто подчёркнутым графически при помощи абзачного членения конструкции.

Для синтаксиса дипломатических документов характерно употребление условно-уступительных предложений, гибких формулировок, что отвечает требованиям дипломатического этикета, дипломатического такта. Употребление повелительного наклонения и соответственно императивных предложений не характерно для дипломатического подстиля, кроме исключительных случаев (ноты протеста и ультиматумы).

В дипломатических документах чаще всего используется такой способ изложения как повествование. Что касается описания и рассуждения, то они используются редко. Директивный способ изложения возможен в международных документах только в экстренных случаях, таких как разрыв дипломатических отношений или ультиматум.

Язык дипломатических документов – это тот язык, на котором данное государство говорит с внешним миром, по нему в значительной степени судят о лице государства. Поэтому к языку дипломатии предъявляются довольно высокие требования.

Таким образом, язык дипломатии можно рассматривать как язык для специальных целей, так как он отражает конкретную сферу деятельности. Язык дипломатии характеризуется частотным употреблением терминов, в том числе латинского, греческого и французского происхождения, аббревиатур, эвфемизмов, гибких формулировок и выражений высокого стиля (поскольку язык дипломатических документов влияет на имидж государства). Для языка дипломатии характерен также сложный синтаксис (в том числе употребляются предложения, осложнённые причастными оборотами и однородными членами).

Список литературы

1. Авербух К. Я. Общая теория термина. Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2004. 252 с.
2. Авербух К. Я. Общая теория термина: комплексно-вариологический подход: автореф. дисс. ... д. филол. н. М., 2005. 31 с.
3. Баландина Л. А., Кураченко Г. Ф. Язык дипломатии: традиции и современность [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ling-expert.ru/conference/langlaw1/langdiplomat.html> (дата обращения: 14.04.2015).
4. Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 360 с.
5. Гальперин И. Р. Очерки по стилистике английского языка. М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1958. 462 с.
6. Лейчик В. М. Предмет, методы и структура терминоведения: дисс. ... д. филол. н. М.: ИЯ АН СССР, 1989. 396 с.
7. Лейчик В. М. Терминоведение: предмет, методы, структура. Изд-е 4-е. М.: Либроком, 2009. 256 с.
8. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азъ, 1996. 928 с.
9. Реформатский А. А. Что такое термин и терминология // Вопросы терминологии. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 46-54.
10. Суперанская А. В., Подольская Н. В., Васильева Н. В. Общая терминология: вопросы теории. М.: Наука, 1989. 246 с.
11. Шелов С. Д. Определение терминов и понятийная структура терминологии. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1998. 236 с.
12. Шелов С. Д. Опыт построения терминологической теории. Значение и определение терминов: дисс. ... д. филол. н. М., 1995. 403 с.
13. Шелов С. Д. Термин. Терминологичность. Терминологические определения. СПб.: Филологический фак-т СПбГУ, 2003. 280 с.
14. <https://www.gov.uk/government/publications/agreement-between-the-uk-and-russia-on-the-organisation-of-the-direct-encrypted-communications-system> (дата обращения: 17.09.2014).
15. Wüster E. Die allgemeine Terminologielehre – eine Grenzgebiet zwischen Sprachwissenschaft, Logic, Ontologie, Informatik und Sachwissenschaften // Linguistics. 1974. № 119. P. 61-106.

LANGUAGE OF DIPLOMACY AS A LANGUAGE FOR SPECIFIC PURPOSES

Logunova Kseniya Aleksandrovna
 Moscow State Pedagogical University
 dina2002@mail.ru

In the article the content of the notion “language for specific purposes” is revealed and the language of diplomacy is considered as one of the varieties of Language for specific purposes (LSP). The author focuses on the distinctive features and characteristics of languages for specific purposes, in particular, terminology, and analyzes the peculiarities of vocabulary, grammar and style of diplomatic documents.

Key words and phrases: language of diplomacy; language for specific purposes; term; terminology; document.

УДК 81-114

Филологические науки

В статье рассматривается вопрос о семантической мотивированности, в частности об обратной семантической мотивированности в глагольном префиксальном словообразовании. При обратной мотивации происходит несовпадение структурной и семантической мотивированности и появляется новое значение у мотивирующего глагола под влиянием глагола мотивированного.

Ключевые слова и фразы: мотивированность; глагольное словообразование; семантические отношения; структурная и семантическая мотивированность; обратная мотивированность.

Любезнова Наталья Владимировна, к. филол. н., доцент
 Саратовский государственный аграрный университет им. Н. И. Вавилова
 lubeznovanat@mail.ru

СЕМАНТИЧЕСКАЯ МОТИВИРОВАННОСТЬ В СЛОВООБРАЗОВАНИИ®

Вопрос о мотивированности словообразовательных структур не случайно находится в центре проблематики современного словопроизводства. Установление различных видов словообразовательной мотивированности служит надёжной основой научного описания динамики синхронного словообразования, средством выявления динамических тенденций эволюции словообразовательной системы и позволяет в известной мере прогнозировать пути дальнейшего развития системы словообразования в целом и отдельных её фрагментов.

В известных в словообразовании теориях мотивированности основное внимание уделяется лексической семантике мотивирующего слова, а также особенностям его формальной и семантической связи с мотивированным словом. С учётом семантических отношений между исходным и мотивированным словами как